

Бесплатное

иллюстрированное приложение

к № 46 за 1911 г.

„СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ“

А. П. Шаповъ.

Подобно тому, как теперь различают в литературѣ двѣ категории писателей, бытовиков, которые, благодаря своей восприимчивости къ высшимъ чертамъ дѣятельности, вмѣютъ даръ въ своихъ произведенияхъ живо изображать ее, и писателей, которые одарены способностью передавать переживания ума, волнующаго вопроса о жизни, ея тайнами, „мировыми загадками“, двѣ категории различаютъ и въ средѣ историковъ. Одни историки съ исключительнымъ искусствомъ умѣютъ передъ нашимъ взоромъ

шеніе семейной нравственности, въ то же время само разрушало сотни тысячъ семейныхъ союзовъ, въ своихъ казармахъ сотни тысячъ добрыхъ семейныхъ правителей превращало въ распутныхъ людей; какое огромное количество человѣческаго счастья принесено было въ жертву государству. Задолго до Петра началась централизованная дѣятельность. Москвитин и задолго до него появилось въ народной массѣ неудовольствіе противъ Москвы; оно выразилось въ бунтахъ и въ бѣгствѣхъ изъ центра государства на незаселенныя границы. Появилось бытовое явленіе—гулящие люди*. Половина великорусскаго племени превратилась въ гуля-

А. П. Шаповъ.

Н. А. Добролюбовъ.]

восстанавливать картины и образы прошлаго, это историки-художники, какъ, напримеръ, англійскій историкъ Маколей; другіе все свое стараніе употребляютъ на высвѣпленіе механическихъ силъ, двигающихъ народными массами, на разоблаченіе тѣхъ высшихъ правдъ, которыя вызываютъ въ массѣ внутреннія измѣненія, какъ, напримеръ, нѣмецкій историкъ Шлоессеръ, англійскій Бокль. А. П. Шаповъ принадлежитъ къ послѣднему роду историковъ.

Историкъ великорусскаго племени, онъ остановился преимущественно на исторіи его разселенія, какъ на результатѣ дѣйствія центробѣжной силъ, заложенной въ народную массу. Это разселеніе представлялось историкъ, какъ реакція противъ московской централизаціи. Москва работала надъ государственными устройствами, надъ установленіемъ государственнаго порядка; въ интересахъ общаго блага нужно было подвинуть ему интересы частныя. При грубости нравовъ того стараго времени эта задача, централизаціи общественныхъ силъ, выполнялась варварскими средствами съ полнымъ пренебреженіемъ частныхъ интересовъ, съ униженіемъ человѣческой личности, съ нарушеніемъ человѣческаго достоинства. Для укрѣпленія государства была необходима постоянная армія; была введена рекрутчина, которая на долгій срокъ, почти на цѣлый вѣкъ, отрывала лучшихъ зрѣлыхъ и здоровыхъ работниковъ отъ ихъ семей и ихъ хозяйствъ. Правительство, которое требовало, чтобы населеніе смотрѣло на него, какъ на покровителя семьи, которое придумывало тяжелыя кары за нару-

щихъ людей. Бѣжали на Донъ, на Волгу и на рѣку Уралъ; побѣжали и далѣе на востокъ, за Уральскій хребетъ, въ Сибирь. Шаповъ нарисовалъ картину этого колоссальнаго бѣгства отъ „государственнаго порядка“. Бѣжали земскіе люди отъ истерическихъ налоговъ и повинностей, бѣжали сектанты отъ гоненій, бѣжали крѣпостные люди отъ помѣщичьего деспотизма; бѣжалъ народъ отовсюду, изъ городовъ изъ селъ, изъ казармъ, даже изъ школъ. Въ этой бѣглой Россіи раскольники составляютъ крупный процентъ. Внутри раскольничьаго міра выявляется, наконецъ, секта „бѣгунцовъ“, которая бѣгство отъ государства выводитъ въ религиозный догматъ, объявляетъ его единственнымъ путемъ спасенія. Въ бѣгунцахъ мы видимъ доморощенныхъ русскихъ анархистовъ. Они отрицаютъ всѣ человѣческія установленія, отрицаютъ государство, общество, семью; всѣ государственныя и семейныя установленія есть проваденіе сатаны; русскій царь—антихристъ; государственная печать—антихристовая печать, государственная служба—служба дьяволу, государственныя платежи—жертвоприношеніе сатанѣ. Жить въ этомъ мірѣ, цементированномъ ревшіями и паромъ, значитъ жить въ сквернѣ, въ табакѣ. Нужно спасеніе отъ этой скверны, а для этого нужно организовать противъ нея возстаніе, т. е. возстаніе противъ государственнаго порядка; сначала нужно создать армію противниковъ антихриста, а пока до времени все таки не мириться съ существующимъ порядкомъ, а

блжать из этого паспортного или табачного мира; если нельзя блжать из отдаленную окраину, то по крайней мѣрѣ, оставаться на мѣстѣ, считаясь въ блжати. Впрочемъ блжати убѣданы и далеко отъ своей родины, даже, судя по маршрутамъ, которыми они запасались, отравлялись въ блга, за предѣлы русскаго государства. Такъ, одинъ маршрутъ, приведенный у Шанова, надбачаетъ въ качестве отаповъ города Томскъ, Барнауль, рѣку Катунь, деревни Красный Яръ и Устубо; затѣмъ говорится о елѣнскихъ горахъ, за которыми начинается малая-то Кижская земля, а въ 40 днахъ пути далье дукномере Лобъ (Лобъ—портъ, который находится въ китайскомъ Туркестанѣ).

Блжати интересны, какъ крайнее выражение центроблжнхъ течений въ великорусской народной массѣ, но какъ колонизаціонный элементъ они значительны не имбжати; ихъ догматъ—личное ситаніе и отрицаніе всякой общественной организаціи—длаетъ ихъ въ колонизаціонномъ отношеніи элементомъ совершенно бесполезнымъ. Но другіе сектанты и раскольники въ исторіи колонизаціи окраины московскаго государства, въ заселеніи Донецкой области, средней Воаги и Иргиза, Яика и наконецъ Сибири сыграли большую роль. На Дону и на рѣкѣ Уралѣ блжлатъ, гулашная Русь вновь организовалась и образовала военно-казачьи области. На средней Волгѣ казачья организаціи не возникла, потому что здѣсь проходила международный торговый путь въ богатую Персію и московское правительство не покусилось на жертвы, чтобы взять его въ свои руки; тутъ сбдана московскіе воеводы и стоили пакеки войска. Сибирь пріобрѣтена была казаками, но и она по подобной же причинѣ не превратилась въ казачью область. Для такого обширнаго края съ такимъ громаднымъ разнообразіемъ естественнаго богатства и физико-географическихъ условий, такой кафантъ, какъ односторонная и несовершенная военно-казачья организаціи, оказалась слишкомъ узкимъ. Лавалась, гениальный творецъ системы міра, возникшей изъ туманныхъ патентовъ, нашелъ себѣ сѣмьго подрядчика въ русской социологіи. Подобно Лаваласу Шановъ построилъ систему образованія ряда областей на азіатской окраинѣ московскаго государства. Въ этой стройной картинѣ, набросанной Шановымъ, Сибирь являлась не единственной колоніей Россіи, а членомъ семьи колоній, членомъ самымъ послѣднимъ, самымъ крупнымъ и самымъ богатымъ какъ экономическими средствами, такъ и надеждами на развитіе гражданской и общественной жизни и всесторонней умственной дѣятельности.

Я скавалъ, Сибирь въ семьѣ восточныхъ колоній Россіи являлась послѣднимъ членомъ... На самомъ же дѣлѣ послѣднимъ якомъ центроблжнмъ теченіи народной массы слѣдовало бы называть колонію «каменьщиковъ» находившихся въ вершинахъ Бухтармы и Катуня. Это группа старообрядческихъ деревень (Уймаотъ, Фыкала, Сѣнная, Вѣлая), которая выселилась въ глухой центральный Алтай въ до-Екатерининское время. Долгое время «каменьщики» жили обособкомъ, устроившись по республикански, управлялись своей выборной властью въ лицѣ двухъ президентовъ. Они вступили вновь въ подданство Россіи на льготныхъ условияхъ при Екаторий П. Самбачательно, что у этихъ послѣднихъ центроблжнхъ доселѣ еще живутъ центроблжнческіе поэмы. Между ними и теперь еще встрѣчаются бородатые мечтатели о какомъ-то Влловодѣ, которое находится за озеромъ Лобъ рядомъ съ какой-то Кавказской землей, гдѣ будто-бы живутъ русскіе люди по старой мѣрѣ.

Шановъ съ благоговѣющимъ изумленіемъ останавливается передъ народной массой съ ей стлхннмъ строительствомъ; великій колонизаціонный размахъ расплывалъ народную массу, но, подчиняясь какому-то скрытому въ ней истинному началу, масса начинала вновь спланиваться, организовывалась. Этотъ новый элементъ то начало, которое славянофиль, слѣдуя стариннымъ наметкамъ, называлъ соборнымъ духомъ, (западникъ называлъ бы его ресубликанскимъ духомъ). Однако народное социальное творчество потеряло политическое фиско. Что мы видимъ въ концѣ концовъ? Дѣлъ новыхъ области, созданныя народными блжтвомъ отъ воеводской Русь, выдѣлены въ казачьи военные части; временныя свободные основатели колоній обратились въ слугачей власти, въ потомственныхъ городаехъ и будочниковъ, и вердиктъ служили въ рукахъ полиціи орудемъ для подавленія свободы въ русскимъ обществѣ. Третья область испытываетъ судбу обиженой провинціи, только недавно переставшей быть штрафной колоніей, и до настоящаго времени обойденной реформами.

Почему исторія такъ беспомощно наемблжалась надъ народной мыслью создать другую жизнь, отвѣтъ на этотъ вопросъ у Шанова не выработался. Онъ задаетъ имъ, но отвѣтъ, который онъ даетъ, не звучитъ авторитетно. Члтая говоеніе Шанова, только догадываемся, что промалъ народного дѣла нужно принести тому, что народная масса успела съ собой на новый мѣста имбжати съ хоронимъ консерватизмомъ и друной; имбжати съ другимъ богатствомъ она универсала и такую драгоценность, какъ есѣрѣе, а имбжати съ тѣмъ и отрещеніе къ наукѣ, разрушающей есѣрѣе Шанова, просвѣтлнный этикъ жестокимъ урокомъ исторіи, какъ будто своимъ поведеніемъ хотѣлъ загладить ошибку предковъ и вторую половину своей недолгой жизни повлгалъ обогащенію своего ума знаніемъ результатовъ естественныхъ историческихъ наукъ. Въ его книгѣ на многихъ страницахъ встрѣчается жалоба на глубокое неблжжество нашего народа и рождается призывъ къ распространенію научныхъ понатій въ народной массѣ. Съ этимъ призывомъ онъ обращается къ университетамъ; отъ университетовъ онъ ждетъ пресоборанія народныхъ позарій, впрочемъ не отъ имбжншихъ. Онъ недоволенъ формальнымъ отношеніемъ ишннейшей университетской науки къ народной жизни. Въ его статьѣ «Сельская община» вставлено нѣсколько словъ объ университетѣ, давншихъ попутіе объ его неслучаѣ въ этой области. Нужно, писалъ Шановъ, всякъ мѣржанъ звать въ самодѣлательство, стн въ самооткрещеніи здарый практической мысли, добрую волю и могучи силы самого русскаго народа. Нужно дѣятельно стремиться, чтобы дать свободу самоопредѣленію и саморазвитію, а тамъ уже сама она (жизнь русскаго народа) выработаетъ такіе способы и принципы самообразования и саморазвитія, какіе ей нужно по ея натурѣ, по ея природнымъ силамъ и дарованіямъ и въишнмъ физико-географическимъ условиямъ. Пустьъ жизнь народная сама своими устами скажетъ, что ей нужно. Университеты, говорятъ они далье, эта голова разумъ народного организма, которые должны бы выработывать программу и методъ народного саморазвитія, къ сожалѣнію, сами не имблн свободнаго внутренняго саморазвитія, представляла казенныя замкнутыя корпораціи, отвлеченныя отъ жизни народной, а не земскіе, народные органы высшаго образованія. Профессора были не что иное, какъ чиновники, а не общественные дѣлатели—просвѣтители. По представленію Шанова, это тѣ же московскіе воеводы, хоти и въ современныхъ мушкетерахъ съ голубыми воротничками, способные въ народныхъ массахъ развитъ только центроблжнну силу.

Г. Потанинъ.

Ф. П. Шевченко.

«Значительный украинскій поэтъ»—такое установившееся въ наше время мнѣніе о Шевченкѣ. Но мнѣніе это далеко не сразу установилось. Когда въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія появились въ свѣтъ его лучшія произведенія—«Катерина», «Наймичка», «Гайдамаки», «Топалъ» и др., то тогдашняя петербургская критика отнеслась къ нимъ холодно и даже неосуществленно. И въ этомъ неимпаніи поэзіи Шевченко повиненъ даже самъ Влвнскій. Отказы критики не привели къ отчаянію Шевченко. Онъ писалъ по поводу этихъ отказовъ: «нехай бо музичкай поэтъ, аби тільки поетъ».

Вотъ правильное опредѣленіе Шевченко—поэтъ, истинный, влстоющій поэтъ, такой, каковыя являются, шармѣръ, Пушкинъ или Лермонтовъ. Далѣе, Шевченко—музичкай, крестьянскій поэтъ, съ небухалой силой образованій мужицкую жизнь. Нужно прибавить: Шевченко—украинскій поэтъ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова національный вилстелъ: въ его писаніяхъ отразилась, какъ въ зеркалѣ, украинская народность въ промѣнѣхъ и тогдашнемъ настоящемъ.

Собраніе художественныхъ произведеній Шевченко называется «Кобзарь». Кобзарь—исторически сложившійся въ Украинѣ образъ народного влнца. Шевченко съ особенной влвнностью и любовью рисуетъ образъ кобзаря и самъ овладѣваетъ ему. Подобно кобзарю, онъ поетъ по старину украинскую; въ его писанія остаются изъ своихъ могилъ, давно поросшихъ травомъ, гетманы, запорожцы, гайдамаки, Семетъ Налій, Гамалія, Богданъ Хмельницкій, Гонта, Залвнцкая...

Т. Г. Шевченко.

И. С. Аксаковъ.

Н. Л. Гондатти,

Штабс-ефендр Двора Е. И. В., приваурскій генералъ-губернаторъ, въ бытность свою Томскимъ губернаторомъ приобрѣлъ популярность и 9 февраля избранъ томской городской думой почетнымъ гражданиномъ г. Томска.

М. М. Миллюновъ,

скончавшійся 20 февраля (см. № 41 Сиб. Жизнь) оставилъ, какъ извѣстно, все свое состояніе—богѣе двухъ сотъ тысячъ руб. городу на устройство богадѣльни. Подоймой много лѣтъ держалъ въ арендѣ городской перепонъ черезъ рѣку Тою и, жалея крайне скромно, старательно копилъ деньги для разъ намѣченной цѣли, считая себя не хозяиномъ своего имущества, а „привлачикомъ г. Томска“, какъ онъ самъ говорилъ.

Поэт он и про тяжкую долю украинского мужика в его время. А его время это—время крестного права. Он—пловец крестного права или, лучше сказать, плывец ужасов крестного права. Изыското, что художественная литература сыграла видную роль в деле подготовки крестьянской реформы. Литература изображала невыносимое положение крестных крестьян, провозглашала и самоудрово поощряла и темъ содѣйствовала украинцевъ въ общественномъ сознании освободительныхъ идей. Среди писателей художниковъ этого направления одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Шевченку. Кровью своего сердца онъ писалъ объ ужасахъ крестного права. Онъ на себѣ и на своихъ близкихъ испытывалъ весь гнетъ крестной неволи.

Шевченко—сынъ крестного крестьянина Киевской губернии. Годика 25 февр. 1814 г. въ дѣтствѣ испытывалъ разнообразныя превратности судьбы, вынававшая на долю крестного крестьянина: былъ въ обученіи у маляра, пастухомъ овецъ, вогонимымъ въ священника, казачкомъ въ домѣ помѣщика; злѣмъ, отдаваясь снова въ обученіе малярному ремеслу сначала въ Наршану, потомъ въ Петербургъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, благодаря случайному стеченію обстоятельствъ попадаетъ въ академию художествъ. Учитя живописи. Начинаетъ писать стихи. Шевченко—художникъ-живописецъ и писатель-художникъ. Но онъ—крестной крестьянинъ. Много усилий пондобилось со стороны лицъ, принявшихъ участіе въ судьбѣ Шевченки, для того, чтобы добыть ему свободу. Въ 1838 году Шевченко былъ освобожденъ (выкупленъ въ его помѣщика Зингаларда). Начинается лучшая пора его литературной дѣятельности. Но эта пора недолго продолжалась. Въ 1846 г. Шевченко принималъ къ тайному кружку „Кириндо-мееодическому братству“. Былъ привлеченъ къ отпѣтственности и приговоренъ къ ссылкѣ въ Оренбургскія степи. Освобожденъ былъ изъ ссылки только въ 1857 г. Зѣркъ черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія закона объ освобожденіи крестьянъ отъ крестной зависимости и за нѣсколько дней до объявленія манифеста о воляхъ—26 февраля 1861 года.

I. М.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Иванъ Сергѣевичъ родился 26 сентября 1823 года, воспитаніе и обученіе сначала шло дома, его отецъ на эту сторону жизни своего сына обращалъ самое серьезное и основательное вниманіе. Изъ семействъ Аксаковыхъ дворянъ постоянно вращалась среди старшихъ, жила ихъ жизнь, ихъ интересы. Среди такой взрослой атмосферы у десятилѣтняго Ивана Сергѣевича развивалась страсть къ чтенію газетъ, но нимъ онъ съ увлеченіемъ слѣдилъ за политическимъ горю-обитомъ Европы. Очень рано проявилась у него и писательская жажда, во прочтеніи одного изъ дѣтскихъ произведеній Ив. Сергѣича отецъ восторженно сказалъ—„Иванъ будетъ великимъ писателемъ“, знакомые Аксакова вполнѣ согласились съ Серг. Ивановичемъ, такъ какъ богато одаренная духовная натура давала себя ярко чувствовать въ неудачахъ и неостановившей фигурѣ мальчика. Отданный затѣмъ въ петербургскій институтъ правовѣдѣнія Иванъ Сергѣичъ окончилъ его въ 1842 г. Въ университетскіе годы молодой Аксаковъ страстно увлекался Шлегелемъ и Гете, ѣздилъ въ Германію „поклониться, какъ онъ говорилъ, святыхъ поэзіи и философіи“, совершая свое „наломничество“ въ Европу.

Ко времени окончанія ученія Ив. Сергѣича въ обществѣ циркулировало неизбѣжное убѣжденіе въ томъ, что каждый юноша обязательно долженъ поступить на государственную службу. Насколько

онъ твердъ и распространенъ былъ этотъ взглядъ, свидѣтельствуютъ саркастическіе афоризмы Кузьмы Пруткова—„Только на государственной службѣ познаешь истину!“ Поступить со школьной скамьи въ московскій Сенатъ, развитой, начитанный, образованный юноша Аксаковъ сразу почувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, а чиновничій мѣръ открылъ ему такую „истину“, которую онъ закрывалъ въ своей поэтической любви „Жизни чиновника“. Поэма охватываетъ три періода этой жизни.—„Служить или не служить? да, вотъ вопросъ“ но газетовская сираниваетъ себя юноша, но демось службы заманиваютъ соблазнами:—„И вѣжливо высьше, дорожа тобой, грядъ украсить леиномъ, обшить зѣлѣдой. Не ищи фортуны, милости случайной, будешь ты дѣйствительный, будешь ты тайный“. Къ концу третьяго періода жизни у чиновника подучается крайне печальный выводъ: „Ни пользы никому, ни блага для отчизны, ни счастія памяти, ни своего слѣда“... Таки мысли, приходя все чаще и чаще къ голову Ив. Сергѣича, пригнали его бросить мѣсто секретаря среди „архангельскихъ старцевъ“. Особое вниманіе заслуживаетъ его служба прокуроромъ казачьей, а потомъ астраханской судебной палаты; на эту постъ онъ сознательно пошелъ, задавшись дѣлать и вадать; хотя бы, въ тотъ протестъ правды и справедливости и освободить, какъ можно больше людей отъ избытно расточаемыхъ плетей. Борьба оказалась неосильной Ив. Сергѣича, и онъ оковательно ушелъ съ государственной службы. Къ этому времени онъ совершенно убѣдился, что его поэтическая муза дивна и „воздушныя формы“ и „красоты экспрессии“, а потому благооворотно переходитъ въ разрядъ публицистовъ.

Принимая участіе въ газетѣ „Дель“, онъ сразу составляетъ себѣ имя пламенного и искреннаго писателя, къ которому за вѣрность своимъ убѣжденіямъ относились съ глубокимъ уваженіемъ его литературные противники. Особое вниманіе Ив. Сергѣича было обращено на выясненіе деталей въ проведеніи крестьянской реформы, онъ неутомимо раскрывалъ ту огромную пропасть, которая зѣла между тѣмъ, что должно было быть сдѣлано по первоначальному замыслу, и тѣмъ, что было практически выполнено на самомъ дѣлѣ.

Въ 1855 году Аксаковъ сдѣлалъ рѣзкую вывадь въ газетѣ „Русь“ по адресу нашихъ дипломатовъ, газета получила предостереженіе: „не обсуждать текущія событія тономъ, несомнѣннымъ съ истиннымъ патриотизмомъ“. Аксаковъ отбѣдилъ еще рѣчею „по адресу министерства внутреннихъ дѣлъ, въ ней арко высказалъ отчаянный воборникъ свободы печати: „Орудіе дѣятельности общества“, неустанно писалъ Аксаковъ, „есть слово, во превращеніи печатное. Поэтому стѣсненіе печатнаго слова, когда являеть въ немъ потребность, когда стало быть въ народѣ возникло общество,—есть варушеніе правды и справедливости общественной организаціи, есть утвержденіе жизни общества, а сдѣдовательно овно для самаго государства, доущающаго такое стѣсненіе... Однимъ словомъ, если государство желаетъ жить, то должно соблюдать непремѣнныя условія жизни, въ которыхъ смерть и разрушеніе; условіе жизни государства—есть жизнь общества. Условіе жизни общества—есть свобода слова, какъ орудія общественного сознания“...

Крупная газетная несправедливость усилила болѣзнь сердца, и Ив. Сергѣичъ скончался 27 января 1886 г...

Пав. Николаевъ.

Редакторъ Г. Б. Вантовъ.

Издатель Сибирское Товарищество Печ. Дѣла.